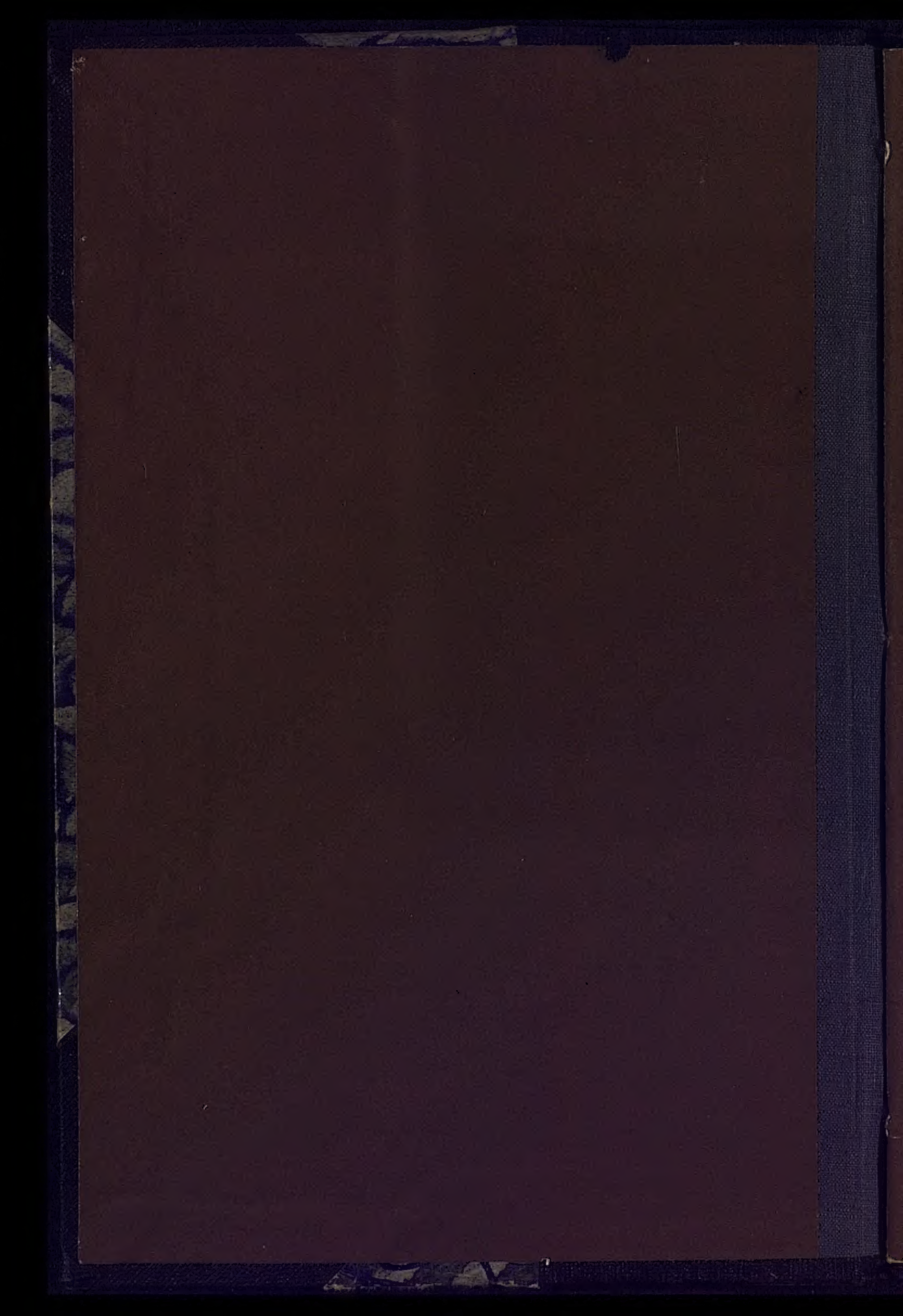
Зиновьев

РАБОТНИЦАМ И КРЕСТЬЯНКАМ

Г. ЗИНОВЬЕВ

РАБОТНИЦАМ И КРЕСТЬЯНКАМ

РАБОЧЕЕ ИЗД-ВО
„ПРИБОЙ"
ЛЕНИНГРАД-1925

сергей пожарский

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Г. ЗИНОВЬЕВ

РАБОТНИЦАМ И КРЕСТЬЯНКАМ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД .˙. 1925

Ленинградский Гублит № 2990 Тираж 100.000 экз.—3 л. Заказ № 480.

Очередные задачи работниц и крестьянок [1].

Чем глубже революция, тем шире участие в ней трудящихся женщин.

Товарищи, мне кажется, история нашей революции яснее всего подтверждает тот взгляд, что о степени величия какого-нибудь народного движения, какого-либо революционного движения лучше всего судить по степени участия в этом движении и революции трудящихся женщин. Нельзя себе вообще представить революции, действительно заслуживающей названия великой, в которой громадная роль не принадлежала бы трудящимся женщинам. И если роль трудящихся женщин в данном общественном движении незначительна, то это наверняка служит доказательством того, что такое движение едва ли заслуживает названия великого.

Это в особенности верно в отношении революции пролетарской. Если в больших буржуазных революциях такая огромная роль принадлежала женщине — а мы знаем из истории великой буржуазной

---

[1] Речь тов. Г. Е. Зиновьева на совещании при ЦК РКП (б) по работе среди работниц промышленных районов СССР совместно с активными работниками по работе среди работниц гор. Москвы и представительницами московских фабрик и заводов. Произнесена 16-го декабря 1924 года.

французской революции, что женщине принадлежала в ней большая роль — то тем более приходится это сказать о революциях пролетарских.

Возьмем основные революционные даты: 1789 год — Великая французская революция, 1848 год — ряд буржуазных революций и полуреволюций в Европе, 1871 год — Парижская Коммуна, 1905 год — репетиция революции у нас, 1917 год — Февральская и Октябрьская революции, — мы яснее ясного увидим, как растет массовидность участия трудящихся женщин в данных общественных движениях. Чем глубже революция, чем шире ее размах, чем более пролетарский характер она носит, тем активнее, тем больше участие женщин в этих революциях. И не надо быть пророком, чтобы предвидеть, что в тех революциях, которые надвигаются и которые в сумме своей составят уже не одну пролетарскую революцию в национальном масштабе, но мировую пролетарскую революцию — а в мировой пролетарской революции, несомненно, должен участвовать и Восток — не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что в этих надвигающихся революциях участие трудящихся женщин будет несравненно больше, чем мы это видели и во время Парижской Коммуны, и в нашу революцию 1905 года, и в двух революциях 1917 года. В этом нет ничего неожиданного, это вытекает из сути вещей.

Не раз Владимир Ильич напоминал нам о том, что при капитализме, кроме общего гнета, порождаемого эксплоатацией трудящихся, существует особый вид гнета над женщинами и что только настоящая великая революция может покончить с этим видом гнета. Я напомню вам широко известную статью тов. Ленина, написанную им к 2-летию Октябрьской революции. Останавливаясь на вопросе о демократии и высмеивая звонкие фразы относительно прелестей буржуазной демократии, Ильич говорил: не толкуйте о равенстве „вообще“. Ска-

жите: равенство какого класса с каким классом? Какой нации с какой нацией? Какого пола с каким полом? Отметая пустые общие формулы о демократии „вообще“, он напоминал о том, что, если говорить о равенстве, то о равенстве в классовом разрезе, т.-е. об уничтожении разницы между классами, о разнице в национальном разрезе, т.-е. об уничтожении разницы между угнетающими и угнетенными нациями, и прибавлял тут же: о равенстве между одним полом и другим полом. Ибо нет подлинной пролетарской демократии без уничтожения гнета одного пола над другим — гнета, существующего в течение ряда веков. И в той же статье тов. Ленин указывал на то, что в самых передовых буржуазных странах, переживших большие по размаху буржуазные революции, тем не менее не уничтожен гнет одного пола над другим, не уничтожен гнет над женщиной. Он призывал к уничтожению гнета над женщиной не на бумаге, а к действительному искоренению этого неравенства в нашей жизни, и такую задачу он выдвигал, как одну из важнейших для пролетарской революции.

Мы можем на основании сказанного формулировать целый „закон“: чем глубже данное народное движение, чем шире захват революции, тем шире и глубже и участие трудящихся женщин в этой революции и тем большее внимание главный носитель революции — рабочий класс — должен уделять данной проблеме.

Нельзя оставаться в „приготовительном классе“ по такому коренному вопросу.

Но, товарищи, мы не можем долго оставаться в „приготовительном классе“ по этому коренному вопросу. То, что я сказал, есть азбука, истина, которая должна быть усвоена в начальный период

революции. Само собой разумеется, что великая пролетарская революция не может пройти мимо такого вопроса, который захватывает добрых 50 проц. населения, если не больше, и который является одним из самых важных и острых вопросов всемирной истории.

Повторяю: наша революция не могла и не может проходить мимо таких вопросов.

Но наша революция вошла примерно с 1922 г. в новую полосу. Совершенно ясно, что нам с вами на восьмом году пролетарской диктатуры было бы уже зазорно оставаться только „в приготовительном классе“ по таким вопросам и отделываться общими словами насчет того, что участие женщин является составной частью всякой пролетарской революции. Наша революция сама вошла уже в новый период, в новый период вступает и движение работниц, женское движение вообще. Мы только исподволь отдавали себе отчет, уясняли себе, что входим в новую полосу, и только постепенно мы могли определять свои новые задачи. Достаточно посмотреть, как мы ощупью брели и бродем еще отчасти и теперь в вопросе о крестьянстве. И только сейчас нашей партии удается мобилизовать необходимое количество сил для того, чтобы вопрос о женской работе поставить по-новому, придать ему тот громадный размах, которого он заслуживает.

Нам надо ставить теперь вопрос не о роли трудящихся женщин в нашей революции „вообще“, а о роли трудящихся женщин в данной стадии нашей революции, при данном положении вещей, в нынешний период строительства,—надо взять быка за рога!

Нужна ли специальная работа среди женщин?

Я считаю необходимым остановиться на вопросе, который вызывает много неясностей: нужна ли специальная работа среди женщин?

Было время, когда среди руководящей группы женского движения у нас был развит предрассудок, что всякую работу среди женщин считали феминизмом, что это нужно отвергнуть и т. д. Я говорил уже об этом не раз и теперь выступаю самым решительным образом. Я, конечно, не являюсь сторонником „феминизма“ в худом смысле слова. Феминизм заключается в том, чтобы замазать женщинам глаза и, вместо выдвижения социальной проблемы, болтать о том, что женщина „тоже человек“ и т. д. Это — мещанская пошлость, это надо отбросить. Но бояться вести работу среди женщин— это глупо.

Мы знаем, что есть отсталые национальности в нашей республике. Мы даем им специальные ассигнования. Ленин всегда подчеркивал, что равноправие наций будет достигнуто тогда, когда более слабой нации станет помогать более сильная. Это есть равноправие. Нет сомнения, что женский пролетариат в массе—более отсталая часть пролетариата во всемирном масштабе и в нашем масштабе. Смешно будет, если мы откажемся принимать дополнительные меры, чтобы поднять культурный уровень наиболее отсталой части.

Это не случайно, что эта часть наиболее отсталая. Это вытекает из всего характера капиталистического строя, который использует отсталость женщины в своих целях. Капитализм часто делает прямую ставку на отсталую женщину. Последние выборы в Англии и Германии это показали. В Англии, передовой стране, накануне выборов буржуазия выкинула, казалось бы, довольно глупую штуку с подложным „письмом Зиновьева“. Подделка архи-глупая! А кого они надули? Добрый миллион женщин—это факт. Правда, на эту удочку попались преимущественно женщины более пожилого возраста. Они голосовали за помещиков (консерваторов), так как их напугали глупой подделкой. Это

было в Англии, с ее громадной цивилизацией и грамотностью.

В Германии только-что закончились выборы. Там буржуазия уверяла, что грабительский план Дауэса возродит страну, что запляшут лес и горы. Кого они надули?— Главным образом, женщин из рабочего класса. Англия и Германия — две передовых страны Европы. И там мы видим еще такую отсталость, что женщин надувают и миллионы их голосов получают за помещиков. В Бельгии, когда проводили первый раз избирательное право для женщин, была специальная ставка на то, что женщина будет голосовать за попов, за католическую партию. Так и было, очень многие женщины голосовали за попов.

Как же мы будем после этого отказываться от специальной работы среди женщин, от дополнительных мер, необходимых для того, чтобы трудящиеся женщины как можно скорее поняли смысл, задачи и стратегию классовой борьбы?

Есть у работниц превосходное качество, которое в критическую минуту революции и оказывалось решающим: работница заражала, гипнотизировала солдат и всю ту массу, от которой зависел исход революции. А когда доходит дело до квалификации, до настоящей политической сознательности, когда нужно разбираться в сложных вопросах, тут мы часто сталкиваемся с отсталостью женщины. Мы, как партия пролетариата, обязаны принять ряд дополнительных мер, чтобы выравнять фронт и этот отряд поднять. Нужна специальная работа среди женщин. Те, кто говорит тут о „феминизме", слышали звон, да не знают, где он. Никакого феминизма здесь нет. Нам нужна работа среди женщин для того, чтобы поднять их классовое сознание. Что женщина отстала — это ее беда, а не вина. Капитализм на то и капитализм, чтобы калечить женщину рабочего класса. Вот почему мы

не можем отказаться от специальной работы среди женщин и должны высмеивать тех, кто видит в этом „феминизм".

Ближайшие задачи работы.

Товарищи, по моему мнению, насколько мне удалось выяснить этот вопрос с руководительницами женского движения и насколько приходится наблюдать работу в этой области, по моему мнению, сейчас основные задачи движения работниц и крестьянок в новом периоде революции, в периоде хозяйственном, в периоде строительном, в периоде реализации программы Октябрьской революции, сводятся к следующим 7 пунктам (я не претендую на полноту охвата вопроса, я говорю лишь о том, что бросается в глаза).

Необходимо более широкое вовлечение работниц в партию.

Мы, большевики, привыкли исходить прежде всего из партийной организации. Партия — основной рычаг революции. И в этом случае, мне кажется, мы должны на первое место ставить вопрос о самой партии, о роли работниц в партии. Поэтому первый мой пункт говорит о необходимости значительного увеличения процента членов партии из работниц, а затем и из крестьянок, но, конечно, в первую очередь из работниц.

Процент членов партии—женщин не превышает 10 (в некоторых местах он больше, в других — меньше, но в среднем равен 10).

Это чрезвычайно мало. Недавний ленинский призыв, который позволил партии глубоко зачерпнуть новые кадры из рабочих масс, в смысле притока в партию женщин дал очень и очень немного. На руководящей работе в партии процент женщин еще ниже. Я не могу не вспомнить ма-

ленького случая, почти-что анекдота, имевшего место на последнем XIII с'ездо партии, когда докладчик ЦК с удовлетворением констатировал, как большой успех, что на с'езде присутствует 2,7 проц. женщин. Это пришлось об'явить уже крупным успехом, потому что раньше и этого не бывало. Но особенно худо то, что у нас не только на с'ездах, но и в партии в целом степень участия работниц в общем так мала.

Товарищи, это особенно худо потому, что роль работницы в революции, в массовой борьбе была не десятипроцентная, а гораздо более, чем десятипроцентная. Мы знаем это по самым трудным моментам революции, начиная с февраля, продолжая Июльскими днями, Октябрем и гражданской войной. Дело, разумеется, надо ставить не с точки зрения удовлетворения законных, или более или менее законных требований самолюбия женской части нашей партии, а с точки зрения интересов революции. Соответствует ли интересам революции то, что в нашей партии на восьмом году существования Советской власти так низок процент членов партии—работниц? Ни в какой мере не соответствует. Это не вытекает из той роли, которую работница играла в революции. Исправить это вполне зависит от наших усилий. Об'ективные трудности не так велики, чтобы они могли помешать нам здесь.

Необходима поголовная организация работниц.

Вторая задача — поголовный охват влиянием партии и, по возможности, поголовная организация в той или другой форме всех работниц, занятых в промышленности. Я думаю что у нас (говорю приблизительно) около полумиллиона работниц (не более, а, вероятно, несколько меньше), занятых в промышленности. Я говорю о промышленности в широком смысле слова, лучше сказать,

в хозяйстве в городах. Эти полмиллиона должны быть так или иначе организованы поголовно. Задача не утопическая, эта задача теперь разрешима, мы к ней более или менее подходим. Я не говорю сейчас о форме организации. Этот вопрос особенно трудный, над которым совещание должно поработать специально, который мы не разрешим так быстро. Вопрос о форме — трудный, но такой, который мы можем поставить в нынешний, строительный период революции. Мы должны разрешить задачу поголовной организации полумиллиона трудящихся женщин, занятых в городском хозяйстве, — того полумиллиона, который должен служить фундаментом для широкой организации женщин вообще.

Внимание крестьянке.

Третья задача — в текущем году, или, вернее, в ближайшие годы львиную долю внимания посвятить деревне. Нужно организовать трудящихся женщин деревни. Я буду говорить о деревне еще особо, а здесь ограничусь только тем, что назову эту задачу.

Внимание учительнице.

Четвертая задача: внимание учительнице. Мы поставили вопрос об учительстве в целом довольно широко, опять-таки в первый раз за все время существования Советской власти. До 1923 года было бы утопией ставить учительский вопрос так, как мы его разрешаем теперь.

По целому ряду причин до 1923 года такая задача не могла быть поставлена. В 1923 г. она поставлена. Партия произвела большую подготовительную работу. В январе ближайшего года соберется всесоюзный учительский с'езд, который, несомненно, оставит глубокие следы в нашей жизни.

Теперь пришла пора от имени работниц-коммунисток выбросить лозунг: внимание вопросу об учительнице, который является составной частью проблемы об учительстве вообще.

Я хорошо знаю, товарищи, что долгое время мы имели со стороны учителей и учительниц в частности, нельзя сказать, чтобы очень горячую поддержку. Я прекрасно знаю, что симпатии к коммунистической партии в этой среде сейчас лишь созревают и не так еще обширны. Но все-таки в 1924—25 г. ставить эту задачу можно и должно с расчетом на больший успех. Указанная задача близко примыкает к предыдущей относительно того, что львиную долю внимания в ближайшие годы придется отдать деревне.

Учительница еще впишет прекрасные страницы в историю борьбы за всеобщую грамотность в нашей стране, за культуру и тем самым — при создавшейся обстановке — за социализм. Мы знаем самоотверженность и преданность народу со стороны русской учительницы. Теперь эти прекрасные чувства будут направлены в правильную сторону: на помощь рабочему классу и крестьянству.

Я имею в виду, конечно, и других культурных тружениц города и деревни — библиотекаршу, фельдшерицу и т. д.

Мы ставим в связи с вопросом о деревне вопрос и о комсоставе в широком смысле слова. Это — не случайно. Это вытекает из оценки классовых сил в нашей стране.

В основном эта оценка сводится к тому, что есть две основных группы: рабочий класс и крестьянство; остальные элементы составляют только дробь, которая может иметь известное значение, но не определяет судьбы страны. Мы исходим из учета сил и отношений двух классов: рабочих и крестьян, и ставим поэтому особенно широко вопрос о крестьянстве. Мы выдвигаем на-ряду с этим вопрос

о „командном составе“ в стране, о командном составе не в том смысле, как мы привыкли употреблять это понятие в отношении Красной армии. Мы говорим о комсоставе в стране в широком значении этого слова. Тогда к нему относятся и учителя. Комсостав в этом смысле составляет тот слой в стране, который влияет на дело связи рабочего класса с крестьянством, который играет крупную роль в этом переплете между двумя основными классами. Впервые теперь мы широко и ясно ставим вопрос о приобщении, о завоевании на нашу сторону комсостава, в том числе и сотен тысяч учителей и учительниц. И когда мы выдвигаем вопрос о поголовной организации работниц и об охвате нашим влиянием широчайших слоев деревни, то мы не можем не выдвинуть тут же и вопроса об учительнице.

Я знаю из опыта общения с комсомольской организацией, что долгое время значительная часть комсомольцев относилась с некоторым холодком к призыву завоевать учителя. Им казалось, что учитель не наш, не может стать нашим, что с ним необходима глухая борьба. Мне кажется, что мы переубедили в этом комсомольскую организацию. Не знаю, встретим ли мы сопротивление среди работниц, когда выдвигаем лозунг: „внимание учительнице“. Не думаю, чтобы встретили, а если кое-где и встретим непонимание в этом вопросе, то надо его преодолеть.

Учительница в 1925 году не та, какой мы знали ее в 1917 году. Было время (и в этом была часто не их вина, а их беда), когда учителя и учительницы были в значительной мере эс-эровской аудиторией, когда они сочувствовали эс-эрам, а на Украине были петлюровцами. Это время проходит, вернее — прошло. Вся экономика нынешнего периода и положение вещей в стране таковы, что мы можем и должны завоевать значительную часть учителей.

Помощь комсомолке.

Следующая, пятая задача — помощь комсомолке. Должен оговориться, что лишь в общих чертах характеризую эти задачи, так как я здесь вижу людей, которые не первый день занимаются вопросами женского движения и знакомы с ним лучше, чем мы, изучающие это движение со стороны. Вы знаете, какой громадный размах приобретает комсомольское движение, что это один из самых передовых отрядов в деревне. Комсомольское движение в деревне сильно развивается. Под этим углом зрения и вопрос о комсомолке получает громадное значение. Работа эта в основном — всецело комсомольская, так и должно быть. Но есть целый ряд пунктов, где вы соприкасаетесь с ней.

Поскольку наша партия никогда не была сторонницей отдельных женских организаций и феминизма в плохом смысле слова, поскольку движение работниц является составной частью общепролетарского движения, постольку понятно, что вся эта работа должна протекать в тесном контакте с существующими пролетарскими организациями. Но ясно, что тут требуется „сверхсметная", специальная помощь со стороны основного ядра остального женского движения, чтобы не допустить до искривления комсомольского движения в женской его части, чтобы исправить и устранить недочеты, ибо их много. Девушек привлекают мало. Комсомолок тоже еще иногда затирают. Семейная обстановка для них часто труднее. Учиться им нелегко. Надо им помочь.

На помощь детскому движению.

Шестая задача — влияние на детское и пионерское движение. Это движение новое, свежее. За последний год мы наблюдали широкое развитие двух новых движений, возникших из масс,

из низов, и потому так много обещающих. Это, с одной стороны, движение рабкоров и селькоров. А затем—движение пионеров, детское движение, которое так заметно растет на наших глазах. Оно делает свои первые шаги, но этому движению принадлежит громадное будущее. Для руководства детским движением существуют специальные организации, но вы должны взять его под свое крыло. Вы будете неизбежно с ним соприкасаться в ряде областей вашей работы. Серьезное воздействие взрослой части работниц-коммунисток на пионерское движение имеет первенствующее значение.

Организация жен рабочих, домашних хозяек.

И последняя задача — организация жен рабочих и тех, кого мы называем „домашними хозяйками". Чтобы не расходовать излишних усилий в этой области работы, вы должны выбрать центральный пункт и там сосредоточить свои силы на указанных выше задачах. Но мы вступили в новую полосу революции, и поэтому нельзя относиться с прежним холодком и к этой задаче. Мы не можем считать ее десятистепенной, как считали до сих пор, но, если мы хотим внедриться в быт и охватить своим влиянием всю массу трудящихся женщин, то, мне кажется, хотя и не на первом месте, но эту задачу поставить надо.

Я, возможно, упустил многое из того, что вы знаете лучше моего, но все перечисленные мной задачи являются более или менее основными.

Вопросы хозяйства и задачи работницы и крестьянки.

Теперь, мне сдается, было бы уместно рассмотреть задачи работницы и крестьянки при свете тех задач, которые стоят перед нашей страной и революцией в целом.

Я сказал, что революция переживает хозяйственную полосу. Из этого вытекает, что и наше женское движение может и должно заняться хозяйственными вопросами. Владимир Ильич в свое время призывал женщин оказывать поддержку Красной армии. Он указывал на это, как на центральную задачу дня. Когда мы переживали эпоху гражданской войны, это была основная задача. Но Владимир Ильич еще в 1920 г. говорил работницам, что нам нужна мирная организаторская работа, и, ставя обширнейшие задачи борьбы на фронтах гражданской войны, он прибавлял, что нам нужно для рядовой женщины найти такую работу в самом небольшом масштабе, где она могла бы приложить свои силы, как рядовая труженица из массы. В настоящий момент все величие революции сводится к вниманию к небольшим делам. Сейчас лозунг: найти для каждой рядовой трудящейся женщины работу в небольшом масштабе— выдвигается на первый план, в особенности в хозяйственной жизни страны.

В области хозяйственной целый ряд задач работниц совпадает с задачами рабочих вообще. Партия ведет теперь важнейшую кампанию по поднятию производительности труда. Естественно, что работница должна внести свою долю участия в эту кампанию. Тут нельзя говорить о специально женских задачах: у работниц здесь те же задачи, что и у рабочего класса в целом.

Задачи работницы и крестьянки в кооперации.

Но есть центральные хозяйственные проблемы, где женщина может и должна сыграть особую и крупнейшую роль. Я имею в виду прежде всего кооперацию. Многие вопросы, которые мы ставим сейчас, в нынешний период революции, кажутся нам на первый взгляд как-будто мелкими, незна-

чительными. Мы должны ставить эти вопросы в свете заветов В. И. Об этих заветах сейчас приходится говорить поменьше и больше изучать их.

Вы знаете, что в заветах Ильича большое внимание уделено вопросу о кооперации. Партия на эту часть завещания тов. Ленина все еще недостаточно обратила внимания. Эти статьи нужно изучать и изучать, потому что в них ключ к разрешению вопроса о крестьянстве и о строительстве социализма вообще. Тов. Ленин по-новому поставил вопрос о кооперации. Он говорил о широчайшем развитии „кооперативного строя", при чем дело идет не о том лишь, чтобы завести большое количество хороших кооперативных лавок, но о том, чтобы через кооперацию перестроить Россию из нэповской в социалистическую и создать тем самым новый кооперативный строй, который стал бы кооперативно-социалистическим. Не зря он говорит, что при нынешнем положении вещей, когда власть в руках рабочих, кооперировать все население и прежде всего деревни — это и значит построить социализм. Под этим углом зрения надо подходить к кооперации, как к одной из центральных задач эпохи. В этой области необходимо сказать специальное слово.

Я думаю, что в хозяйственной жизни кооперация есть та область, где работница и крестьянка могут сказать решающее слово, ибо закупка в кооперативных лавках находится в значительной степени в руках женщины, в руках матери, в руках работницы, которая в этой, продовольственной, части является главой семьи. Это относится к городской кооперации и к сельской в особенности. В этой области стоят перед вами крупнейшей важности задачи, особенно в деревне. Смешно рассчитывать на то, что мы завоюем кооперацию в деревне без того, чтобы поднять на это дело глубочайшие слои

крестьянок. Смешно думать, что в городе мы завоюем кооперацию, если не подвинем вперед полмиллиона работниц. В этом отношении часто делаются разного рода предложения, торопливые и не всегда верные. Тов. Николаева рассказывала мне, что вносилось предложение призвать всех женщин к бойкоту частной торговли, выдвинуть такой лозунг. Это сейчас было бы опрометчиво и неразумно. Ошибочно думать, что мы можем поднять кооперацию, выбросив сейчас лозунг „бойкот частной торговле"; мы оказали бы этим медвежью услугу кооперации. Но это не значит, что женщина не может много сделать для кооперации. Нет, она должна сказать решающее слово, должна помочь поставить кооперацию, как следует; она должна пропагандировать в своей семье и ячейке идею кооперации.

Возьмем такой момент. Если приглядеться поближе к кооперации, то мы видим, что там крупнейшую роль играет вопрос о служащих, о том, чтоб они вежливо, по-человечески обращались с покупателями. Я видел недавно в одном журнале такую, высмеивающую нашу кооперацию, картинку: приказчик в кооперативной лавке разговаривает крайне вежливо с покупателем. Изумленный зав. или пом. зав. говорит: „Наш приказчик, очевидно, ненормальный: посмотрите, как он разговаривает с покупателями; у него не все дома". Таков местами иногда быт кооперации. Из-за этого не ходят туда часто жены рабочих. Конечно, решающее значение все же имеет вопрос о ценах.

Можем ли мы добиться того, чтобы кооперативный персонал был на месте, был таков, какой нам нужен, чтобы он был достоин своего дела? Можем. Женщина здесь должна сыграть крупную роль. При помощи целого ряда средств, при помощи того, что будем выделять часто женщин в кооперативную торговлю, мы можем этого достигнуть. У нас слиш-

ком мало в области кооперации применяется труд женщины. В кооперативной торговле женщина должна давать находящемуся там персоналу предметные уроки вежливости. Почему бы и нет? Надо бороться за улучшение кооперации через партийные, профессиональные и другие организации. Но самое важное—чтобы женщина стала поголовно агитатором в пользу кооперации, агитатором не в ходячем смысле слова, не в том смысле, что она будет произносить речи за кооперацию. Она должна сама убедиться в том, что в кооперации можно купить дешевле и лучше, и эту мысль внедрять в головы всех рабочих и всего населения. В этой области непочатый край работы для наших работниц в городах и в особенности в деревне.

Жилищный вопрос.

К числу хозяйственных я отношу и вопрос жилищный. В этой области работницы также могут сделать очень многое. В жилище нуждаются и женщины и мужчины, но по ряду обстоятельств жилищный вопрос ближе работнице, и здесь она может сыграть большую роль, в особенности в Москве, где жилищный кризис крайне остер.

Теперь есть шансы, что мы этот вопрос сдвинем с прежней точки. Мы бюджет в этом году сведем лучше, чем думали. До сих пор бывало так, что мы бюджет вначале наметим, а затем по нескольку раз переделываем его, и всегда в сторону урезывания. В первый раз за время существования Советской власти мы стоим перед новым положением: мы на-днях будем переделывать бюджет, но не в сторону сокращения, а в сторону расширения. Доходов оказалось несколько больше, чем мы рассчитывали по первоначальным цифрам. Мы этот излишек распределим на хозяйственные нужды страны. Есть план, который, вероятно, пройдет,

чтобы из этой суммы около 20—25 миллионов ассигновать на строительство рабочего жилья. И из этих 25 миллионов львиную долю отпустят Москве, ибо она находится в этом отношении в самом трудном положении.

Впервые поставлен практически вопрос о жилище в таких больших центрах, как Баку, как Иваново-Вознесенск, как Донбасс, где начинается жилищное строительство, как Грозный, где построены целые поселки, как Ленинград, где обсуждался уже практически вопрос, какие дома строить. Есть уже даже различные „фракции“ в этом вопросе. Одни говорят, что нужны дома 3-этажные на 6 семейств, другие говорят, что нужны дома 6-этажные на 16 семейств. И есть мнение, чтобы строить небольшие домики.

Какие дома строить — об этом мы подумаем много раз, но важно то, что вопрос поставлен, что начинает подготовляться строительный материал и с весны дело будет двинуто. Вопрос ставится практически в целом ряде решающих пунктов пролетарского движения — в Москве, Ленинграде, Баку, Донбассе, Иваново-Вознесенске и т. д. Мне кажется, что это такая сторона, где громадную помощь и внимание может и должна оказать женщина.

Задачи работницы и крестьянки в области культурно-просветительной.

Затем—культурно-просветительная работа. В этой области задачи наиболее известны. При помощи поголовной организации работниц надо двинуть дело ликвидации неграмотности, затем школьное дело, особенно сельские школы, клубы и т. д. Я должен вам рассказать, что английская делегация, которая здесь была и осматривала наши клубы, признала

их величайшим достижением в области культурно-просветительной работы профсоюзов. Правда, там много недоделанного, многое еще нужно двинуть.

Мне рассказывали на-днях о посещении работницами и рабочими вузов в Ленинграде; это были первые вечера смычки работниц и рабочих со студентами. В Технологическом институте Ленинграда студенты показывали гостям лаборатории, все оборудование, затем вели с ними беседы на общественные темы. На этом вечере одна пожилая работница говорила: „Кто, товарищи, думал четыре-пять лет тому назад, что дело будет обстоять так? а вот теперь мой сын в этом году кончает на инженера“. Собрание устроило ей шумную овацию. Эта же работница говорит: „Как ни тяжело нам по части разных сборов, потому что заработок наш низкий, но вам, этому поколению пролетарского студенчества, которое собралось теперь в стенах учебных заведений, вам мы дадим возможность доучиться на последние гроши, соберем, подтянемся и дадим возможность доучиться“. Это уже нечто совершенно новое, чего до сих пор мы не видели. Может тут женское движение подсобить, помочь, сделать кое-что?.. Я думаю, что может.

Для поднятия сельской школы надо не столько говорить об этом, сколько делать практически. Я видел из отчета женотдела, что кое-где крестьянки при помощи работниц собирают по грошам и покупают торф, дрова для школы на зиму. Хотя это маленькая помощь, только начинающаяся, но она чрезвычайно важна. 100 букварей, которые работница или крестьянка передаст школе, 5 рублей, которые набавят избачу, чтобы он мог просуществовать, — все это имеет громадное культурно-просветительное значение.

Новый быт растет не столько из „октябрин", сколько из хороших столовых, правильно поставленных прачечных и т. д.

Быт! О нем много говорилось, кое-что здесь делается и карикатурное. Я думаю, что много карикатурного и смешного иногда видно и в „октябринах". Быт начинается, прежде всего, в столовых народного питания. Когда рабочие на некоторых лучших заводах уже вместе с семьей из месяца в месяц идут в общественную столовую, считая, что там питание обходится не дороже, чем дома, когда они идут с детьми в общественную столовую, — это есть кусочек нового быта. Когда я слышу о том, что женотдел ставит кое-где вопрос об общественных прачечных, то пусть это не так эффектно, как „октябрины", но здесь уже есть кусочек заветов Ильича. Не к этому одному кусочку, конечно, сводятся заветы Ленина, но, несомненно, это кусочек того пролетарского быта, который вытекает именно из нынешней стадии революции.

Я думаю, товарищи, что и в этой области мы вполне стоим перед таким положением, когда будем не только пропагандировать, но кое-что делать. Общественные столовые мы видим уже не на плакате, а в действительности. Тов. Ленин в своей речи в 1920 году к работницам, говоря об общественных столовых, ссылался на петроградский пример. Питерские столовые получали тогда широкое распространение, и он брал это за исходную точку в вопросе о столовых. Тогда ничего лучшего не было, нужно было ссылаться на это. Но мы знаем, присутствующие здесь в зале помнят, какие были столовые в 1920 году. Это был часто сплошной ужас, неприглядные бараки. То были годы отчаянного голода, когда столовые все же помогали. Но они были так еще нищенски оборудованы и не

могли претендовать на то, чтобы подымать культуру рабочего класса. Да и речь тут шла не о культуре, а о том, чтобы сохранить физическую жизнь наиболее обездоленных слоев пролетариата.

Теперь имеются уже не такие столовые. Правда, они не так распространены, но есть столовые, которыми можно гордиться. Столовую „Треугольника" в Ленинграде осматривала английская делегация профсоюзов. Они обедали в этой столовой и должны были признать, что мало видели таких благоустроенных столовых, которые пропускают в день не одну сотню рабочих и работниц с семьями. Мы имеем и в Москве такие столовые. Думаю, что они имеются и в других городах. Но это лишь начало, необходимо двинуть дело дальше и шире, потому что именно это есть кусочек нового быта.

Народный суд—основное звено быта.

Народные суды. В этой области перед трудящейся женщиной есть специальная задача, глубоко связанная с нашим бытом. С народными судами дело еще плохо. Недавно на Украине, в Харькове, был обнаружен ряд злоупотреблений и преступлений в народных судах. Десятки народных судей попали за взятки на скамью подсудимых. Такое положение было и в Ленинграде 2 года назад и в ряде других городов.

Суд—основное звено быта, самый чуткий барометр для каждой страны, как буржуазной, так и пролетарской. До сих пор наш суд находился в тяжелом материальном положении. Местами и сейчас еще плохо. Но теперь нам удается народных судей обеспечить лучше, чем до сих пор.

Вопрос о суде также бытовой. В народные судьи мы должны двинуть гораздо большее, чем

раньше, количество трудящихся женщин. Отсюда будет расти быт гораздо больше, чем из „октябрин“.

О нашей антирелигиозной пропаганде.

Религия. По этой части, особенно в деревне, нужна бо̀льшая осторожность, чем до сих пор. Я слышал от пожилых рабочих рассказы о том, что не так далеко от пролетарского центра над религиозно настроенными людьми часто посмеиваются и строят плохие шутки не только комсомольцы, но и пионеры. Мне рассказывали, что где-то пионеры заперли молящихся в церкви. Эти шалости вредны. Мы не можем в крестьянской стране с таким количеством безграмотных, с таким социальным переплетом и с такой экономикой, когда крестьянин за аршин ситца платит 50 коп., а за пуд хлеба получает 70 коп., не можем позволить себе такую „роскошь“, как ожесточенная антирелигиозная кампания.

Я читал в газетах, что сейчас образуются рабочие общества друзей „Безбожника у станка“. Это хорошо. Но надо улучшать этот журнал, надо ставить антирелигиозную пропаганду осторожнее, педагогичнее. Нигде так не вредит аляповатость, как в антирелигиозной пропаганде.

Мы поведем поход против господа бога в свое время, мы одолеем его и в эмпиреях, и накроем всегда, куда бы он ни прятался; но надо же понимать, что в крестьянской стране, с большой неграмотностью, когда мы только приступаем к культурно-просветительной работе в деревне, в этой стране нужно быть „легче на поворотах“ в таких вопросах, нужно десять раз советоваться насчет наших антирелигиозных журналов не с нашим братом-литератором, а с рядовыми крестьянами и крестьянками. Не надо думать, что, чем забористее, тем лучше. Нужно быть много, много осторожнее, чем до сих пор.

Здравоохранение. Юридическая помощь крестьянкам.

Здравоохранение. В этой области вы имеете специальные задачи. Я вижу из некоторых материалов, с которыми меня познакомили руководители вашего движения, что, напр., акушерские пункты получают крупнейшее бытовое значение. В этом деле вы наверняка больше смыслите, чем те, которые перед вами говорят. Здесь одна из задач, которая целиком связана с бытом. Когда работница помогает крестьянкам поставить акушерский пункт в волости, это имеет большее значение, чем две тысячи „октябрин". То же самое надо сказать и о юридической помощи.

Передо мною следующее сообщение из Кашинского уезда. Вот он—маленький кусочек быта. Работница-батрачка не дополучила от хозяина 3 рубля, тот не захотел уплатить ей. Она подала в суд, судилась несколько недель. Три рубля были присуждены ей. Но когда она пожелала получить их и обратилась в соответствующую инстанцию, то получила чрезвычайно любопытный ответ. Этот документ у меня на руках. Я оглашу его полностью:

„Гражданке деревни Пищалкино Марии Ивановне Парамоновой.

„На заявление ваше, поступившее ко мне 18 сего сентября, об'являю, что публичная продажа имущества гр-на Ивана Алексеева Томилина, описанного на погашение вашего взыскания по исполнительному листу народного суда 3-го района, Кашинского уезда, от 2 июня 1924 г., за № 1144, может быть назначена по представлении вами 30 руб. 35 коп. на публикацию в газете о продаже и на проч. расходы по назначению имущества в продажу.

„Судебный исполнитель А. Рождественский. Г. Кашин, Тверской губ.".

Характерно то, что этот судебный исполнитель, как видно из бланка „казенного письма“, на котором написан ответ, при царе служил судебным приставом.

Оказывается, товарищи, что такие вещи бывают. Чтобы получить свои 3 руб., батрачка Парамонова должна предварительно внести на публикацию и прочие расходы... 30 руб. 35 коп.

Мы много говорим: батраки, батрачки и пр. Поставим так дело юридической помощи, чтобы можно было такие факты улавливать и предупреждать, чтобы деревенская беднота и батрачество получали действительную помощь от нашего суда. Здесь работница помочь может и должна.

Мне кажется, что новый быт складывается из того, что мы станем строить хорошие столовые на деле, а не на плакате, будем открывать общественные прачечные, двинем в народный суд большее количество работниц и крестьянок, поднимем здравоохранение и дело юридической помощи, станем через различные курсы укреплять связь работниц с партией и т. д.

Работница, лицом к деревне!

Товарищи, мы входим сейчас в полосу, когда вся партия повернулась лицом к деревне. Очень плохо будет, если этот поворот останется только на плакате или только в передовицах и резолюциях. Его нужно проделать в жизни.

В деревне много такого, чего не было и не могло быть раньше. Я не раз говорил о том, что в деревне зарождается настроение, которому нельзя дать окрепнуть и которое можно охарактеризовать как „ревность“ крестьянина к рабочему классу. Такое настроение есть и со стороны крестьянок к работницам. Мы сами не замечаем, как колют глаза деревне некоторые даже мелочи городского быта.

Мы теперь слышим десятки голосов крестьянок о том, что работница в городе, когда рожает, получает три месяца отдыха до родов и после. „А сколько мы получаем?—спрашивает крестьянка,—мы не получаем двух-трех дней и должны назавтра выходить на работу“. До сих пор это не долетало до крестьянок, они этого не говорили, так как были настолько забиты, что не могли подумать об этом, не знали фактов и т. д. Теперь, по мере роста связи города с деревней, уровень знаний деревни повышается. На-лицо — величайшее достижение революции. Обратная сторона этого положительного явления в настоящий период недостаточно окрепшей экономики выражается в том, что деревня полураздраженно реагирует на иные стороны городской жизни.

На-днях одна небольшая беседа показала мне, как маленькие вопросы ставятся теперь совершенно по-новому. Мы платим инвалидам труда—рабочим ставку в 3—4 раза бо́льшую, чем инвалидам гражданской войны—преимущественно крестьянам. На первый взгляд — совершенная мелочь: где нам до этого, когда мы заняты Макдональдом, „Уроками Октября“ и т. д.? А вникните глубже—и вы увидите, насколько все это значительно и существенно важно.

А как это преломляется у крестьян? Со мною беседовал по такому поводу прекрасный красноармеец. Для него не так уже больно то, что он не дополучает „трешницы“, как моральное чувство неравенства. Этого совершенно не было несколько лет назад. Мы, как авангард рабочего класса, должны зарубить себе на носу, понять, что здесь новая черточка в деревне, новая черточка всего нынешнего политического положения. Из таких кусочков складывается настроение лучшей части деревни, потому что красноармеец, как правило, принадлежит к передовикам-крестьянам. Инвалид

гражданской войны — часто лучший представитель деревни, по которому равняется целый слой крестьянства. Он глубоко обижен даже не за „трешницу“, а тем, что в рабоче-крестьянском государстве выходит такое неравенство. А казна у нас еще бедная. Всем помочь должным образом еще не на что.

На подобных примерах яснее ясного видна новая обстановка, новый переплет в деревне.

Для меня несомненно, что вопросы социального страхования мы неизбежно должны будем поставить и в деревне, применительно к ее условиям жизни. Несмотря на бюджетные трудности, мы должны будем это проделать. Речь идет не о том страховании, которое мы вводим от градобития, падежа скота и т. д. Некоторые виды социального страхования мы должны ввести и для деревни.

Классовая борьба в деревне разгорелась. В Царицынской губернии, напр., в настоящем году среди крестьян, говорят, организуется что-то вроде „красных сотен“. Это — сотни крестьян - бедняков, об‘единяющихся для помощи в хозяйстве, которым губисполком помогает чем может. Такое явление нужно приветствовать. А рядом мы видим организующиеся группы богатых крестьян, которые получают название „черных сотен“. Между ними пойдет борьба. Сейчас она только начинается, но она будет разгораться. Нельзя этого не видеть.

В газетах пишут, что на выборах в Советы все хорошо, что число избранных коммунистов растет. Но сейчас установлено, что местами число участников выборов падает. В целом ряде мест в выборах участвовал небольшой процент избирателей. Возможно, что, в связи с отсрочкой (до апреля) С‘езда Советов, кое-где выборы будут проводиться новые.

Политика во многом теперь решается в деревне.

В деревне множество трудностей. Деревенская проблема стоит острее, чем мы думали. Нет сейчас более трудных вопросов, чем этот вопрос. Все Чемберлены, все подделки писем не стоят и выеденного яйца по сравнению с этим вопросом. Тов. Ленин говорил нам, что малейшая ошибка в вопросе о крестьянстве для нас страшнее, чем сто Колчаков, Деникиных и Врангелей, вместе взятых. Сказано абсолютно правильно. И, оглядываясь назад, мы должны повторить: малейшая ошибка в крестьянском вопросе теперь опаснее, чем 100 Колчаков, 100 Деникиных, 100 Врангелей и плюс 100 Чемберленов и 200 Юзов. Вопрос о деревне—решающий.

Мы должны ясно сознать, что политика не решается теперь только в городе. Она никогда не решалась только в городах в такой стране, как наша, т.-е. в крестьянской стране. Бывают отдельные моменты в политической борьбе, когда решение происходит только в городе. Отдельные решающие моменты, скажем, 25 октября 1917 года, в основном протекали и получали свой исход в городе, потому что здесь было правительство, здесь был главный враг, здесь были главные силы. Но это только исключительные моменты. А когда мы берем длительный период, в течение которого реализуется программа и переваривается опыт ряда лет, не только провозглашается лозунг, но и проводится в жизнь; когда мы берем целый период революции в такой стране, как наша, то мы видим, что решает не только город, но и деревня. Теперь мы подошли именно к такому моменту революции, когда основные вопросы нашего бытия решаются в многочисленных, разбросанных по всему российскому простору крестьянских углах. Тут мы видим много нового, чего не было до сих пор.

Крестьянин одобряет нашу международную политику. Мы должны добиться его одобрения и нашей хозяйственной политики.

Мы шагу не должны делать ни в одном вопросе—ни в хозяйственном, ни в бытовом, ни в политическом—без того, чтобы не оглянуться и на деревню. Что касается международной политики, то 90 крестьян из 100 скажут, что международную политику мы ведем правильно. Крестьянин отчетливо видит это: мы царских долгов не платим, мы новых войн не затеваем, на армию мы тратим минимальные средства. Мировое влияние нашей страны растет. И крестьянин, который задумывается над этими вопросами, рассуждает так: международную политику они (эти черти, прибавляет еще кто-либо из них) ведут правильно. Самое лучшее правительство поставь, оно лучше не поведет,—это безусловно.

Такое настроение у крестьян и у беспартийных рабочих есть.

Но есть ли такое же мнение у крестьян и о нашей хозяйственной работе? Еще нет. А у массовика-беспартийного рабочего оно есть? Пока еще нет. В хозяйственной области мы этого еще не добились. Центральная задача переживаемого периода — показать крестьянину и беспартийной рабочей массе, что мы и в области хозяйства являемся самым выгодным для них правительством, дешевым, дельным, энергичным, настойчивым. К этому сводится задача всех задач. А когда в этот момент нам под руку говорят: мы, мол, рабочая партия, мы должны думать о крупной промышленности, а не о „деревенщине“,—то эти люди не ведают, что творят. Они наносят ущерб и рабочему движению и крестьянству. Они хотят благих дел, их

пожелания благие, но вы знаете, что благими пожеланиями вымощен ад.

Вопрос о работе в деревне — не такой простой, как иным кажется. Здесь сейчас — узловая, центральная задача. Если мы сумеем разрешить этот вопрос, тогда диктатура обеспечена полностью. Не сумеем,—тогда не помогут превосходные маневры на интернациональной арене, тогда мы будем биты в самом чувствительном месте. Вот почему все, что я намечал, должно быть применено к деревне в первую очередь.

Работницам надо поработать не только мозгами, но немножко и локтями.

Мы много говорим об оживлении Советов. Нельзя оживить Советы, если не привлечь в них и значительного количества женщин. Лучшим показателем того, насколько ты оживил Советы в данном уезде, в данной деревне и в данном городе, между прочим, служит цифра, показывающая, сколько ты привлек работниц и крестьянок к деловой работе в Советах. Вы знаете, что многие поговаривают о необходимости декретным путем гарантировать определенный процент мест за женщинами в советских и государственных органах. На худой конец пришлось бы прибегнуть и к этому. Но было бы нежелательно пользоваться такой мерой: вы знаете, что добровольный принцип организации гарантирует гораздо бóльшую самодеятельность. Вы должны добиться этого без декрета.

Передовым работницам много нужно будет поработать мозгами, в первую очередь, чтобы осмыслить свои задачи. Но, глядя на то, как неохотно раскрываются иногда перед вами двери, мы должны добавить: надо поработать не только мозгами, но немножко и локтями. Надо, как говорят, немножко распространить, раздвинуть пространство вокруг

себя. Ежели „мужики“ не всегда хотят потесниться добром, то маленечко потеснить их локтями не грех. (Аплодисменты). Это особенно применимо к деревне. Сплошь и рядом вы увидите крестьян, даже из лучших, которые воображают, что они осуществляют заветы Ильича, что они за ленинизм, но считают необходимым, хотя бы только в праздничные дни, поколачивать своих жен. Они, видимо, полагают, что такое отношение к женщине совместимо с заветами Ильича. Есть это отчасти и у рабочих: бывает-таки кое-где. Таким чудакам надо сказать: какой же это завет Ленина! Они воображают, что заветы нашего вождя—в том, чтобы только читать книжку или газету. Одна из важнейших частей ленинизма заключается в осуществлении действительного, без лишних фраз, равенства полов, в действительной необходимости поднять трудящуюся женщину, раскрепостить ее. Я думаю, что передовики рабочего класса начинают понимать это, но необходимо пробить брешь в отсталой массе, необходимо тут иногда поработать и локтями, т.-е. проявить энергию, настойчивость, организованность.

Почему бы крестьянке не чувствовать себя равноправным членом общества и семьи? Помимо всего, помимо нашего общего принципиального отношения к делу, мы можем легко доказать на многочисленных жизненных примерах это право крестьянки. Тяжелым, каторжным трудом она завоевала, если хотите, все права,—трудом изнуряющим, непосильно тяжелым, трудом, выматывающим все жилы, заставляющим ее преждевременно стариться.

Вот цифры, которые полезно знать каждому крестьянину, особенно тому, кто заполняет свой праздничный досуг, а иногда и серые будни, диким, возмутительным „занятием“, „поучая“ свою жену; тому, кто не привык уважать в женщине ее человеческое достоинство, унижая этим самым свое соб-

ственное достоинство трудового гражданина. Я приведу вам несколько цифр, добытых путем серьезного научно-статистического наблюдения и изучения группы крестьянских хозяйств. Цифры говорят следующее:

Весь труд крестьянина в течение года можно уложить в 3.234 часа. Сюда входит производственный труд, домашний, свободный (труд, не связанный непосредственно с ведением крестьянского хозяйства), ходьба и езда на работу, повинности, сношения с рынком и т. д. Труд крестьянки в течение года заполняет 4.342 часа.

Вот таблица, характеризующая „трудовую нагрузку“ крестьянина и крестьянки в течение года:

Распределение времени крестьянина за год в часах.

I. ТРУД.	Крестьянин:	Крестьянка:
Производственный труд	1.935	1.905
Домашний „	622	2.279
Свободный „	321	21
Ходьба и езда на работу, повинности, сношения с рынком и проч. . .	356	137
Весь труд . . .	3.234 час.	4.342 час.
II. ОТДЫХ.		
Бездеятельный отдых и нераспределенный день	1.668	627
Еда	516	576
Развлечения	285	261
Религия	121	173
Весь отдых . .	2.590 час.	1.637 час.
III. СОН.	2.936 час.	2.781 час.
За 1 год — труд, отдых и сон	8.760 час.	8.760 час.

Крестьянка работает больше крестьянина, отдавая отдыху значительно меньшее время. Ваша задача, товарищи, широко популяризировать эти цифры в кре-

стьянской и рабочей среде. Ознакомившись с ними, вряд ли кто-либо станет еще спорить и упорствовать в своем отсталом взгляде на крестьянку.

Во все области общественной жизни села должна быть вовлечена крестьянка. Перед нами стоит в настоящее время важнейшая задача поднять крестьянское хозяйство, облегчить крестьянину его труд, сделав крестьянский труд более продуктивным. Во всем этом крестьянка горячо заинтересована. И во всей нашей общественной работе ей — честь и место!

Я думаю, что, пробиваясь на общественную арену, работница и крестьянка должны прежде всего рассчитывать на свою самодеятельность.

Декретом не всегда поможешь — это не секрет. Для того, чтобы добиться раскрепощения женщины на деле, нужен совершенно другой размах организации и работы, чем до сих пор. Движение работниц в полмиллиона должно быть поголовным и настолько сильным, чтобы никому не пришло в голову его игнорировать.

„Локти“, разумеется, следует понимать не буквально.

У нас, товарищи, коллективные локти, это — партия, мы это отлично понимаем. Нужно, чтобы партия в целом по этому поводу приняла определенное решение. Сейчас положение такое, что соответствующие решения приняты, более или менее декларированы. Но соответствующий перелом настроения в толще партии еще не достигнут вполне. Партия — кусок рабочего класса и всего народа. Она тысячами нитей соприкасается с ним. И если на текстильных фабриках в Ленинграде, где прошло в фабком больше работниц, чем рабочих, говорят, что это не фабком, а „бабком“, то такие нежелательные явления сказываются частично и среди партийцев. Ничего удивительного: вчера был беспартийный, сегодня

партийный. В лучшем случае он „голоснет" за резолюцию о равенстве женщины, а все на деле оставит по-старому. Это — стена. Мало декларировать решение, надо добиться перелома, чтобы люди поняли, что новая фаза революции характеризуется большей массовидностью участия женщин в повседневном строительстве. Мы зачерпываем больше народа, значит, зачерпываем и бо́льшую массу трудящихся женщин.

Когда я говорю—надо поработать локтями, я сюда включаю и качественную работу вас самих. У „мужиков" тоже есть локти, и если до локтей дело дойдет, то едва ли на вашей стороне будет перевес. Я имею в виду ваше самоусовершенствование (позвольте употребить это толстовское выражение), вашу собственную квалификацию. Рассказывают, что мужчины не пускают женщин даже в вагоновожатые. Во время войны, вы знаете, что масса женщин была переведена на мужской труд почти во всех странах. Как ни плохо настроение среди части рабочих в вопросе о действительном равенстве женщин, но мы живем в советскую эпоху. В последнем счете рабочему и крестьянину будет импонировать, если у вас голова на плечах, если вы в словесном поединке дадите ему сдачи, если вы окажетесь первым в хозяйственном кружке, и в деле поднятия производительности труда, и в кооперации и т. д. Женщина должна позаботиться о повышении своей квалификации, о приобретении знаний во всех областях работы. В этом вопросе вы встретите полное понимание и самое внимательное отношение со стороны ЦК партии и со стороны целого ряда губкомов.

Что касается учебы вообще, в частности женской, то с ней обстоит еще плохо. Частью по материальным причинам, а частью потому, что женщина занята домашней работой, она менее грамотна, менее организована, у нее меньше энергии. В этом

отношении вам всем надо поработать, чтобы создать необходимые условия.

Несколько слов о рабкорках и селькорках. Я уже говорил: это движение свежее, могучее, оно растет из низов, оно идет с самых широких пластов. Женщины и здесь отстают. Селькорок можно пересчитать по пальцам, и рабкорок мало. Нужно нажать, чтобы добиться здесь серьезных результатов.

О делегатском движении работниц и крестьянок.

Громадное внимание нужно уделять движению делегаток. Это движение имеет решающее значение. Цифры, коими меня снабдили товарищи, говорят, что всего делегаток у нас 208.000 (на 1 июля 1924 г.): крестьянок делегаток — 121.000, работниц — 51.000, служащих — 20.000, домашних хозяек — 16.000. Больше половины делегаток — 121.000 — крестьянки. Все выходит как-будто очень хорошо, но я боюсь, что среди крестьянок тут довольно много будущих делегаток. (Смех). В одном месте мне рассказывали про самодеятельность делегаток, будто она выражается пока в том, что, когда муж бьет жену-делегатку, то жена протестует, она несогласна на это. (Смех). Я уверен, что это не характеризует всецело работы делегаток. Но, когда говорят, что у нас есть 121.000 деревенских делегаток, при чем называют этих делегаток уже действительными, то, как хотите, а я в этом немножко „сумлеваюсь". Я думаю, что их пока меньше. Но важно то, что тут мы нащупали основную форму работы. Мы будем иметь их больше 120.000, но лишь в том случае, если мы уделим достаточное внимание деревне.

О большевизации женского движения.

Все это, разумеется, необходимо проводить на фоне действительного ленинизма. Под ленинизмом

я понимаю здесь две вещи. Прежде всего, конечно, учеба. Это то, о чем мы говорили уже в достаточной степени. Учеба и учеба! Тот ленинизм, который можно почерпнуть из книг, который заключается в полной ликвидации безграмотности прежде всего, а затем в усвоении основных элементарных фактов из истории нашей партии. Учеба за этот год в нашей партии сдвинулась. Сдвинулось это дело в значительной степени и среди работниц. Надеюсь, что теперь оно двинется еще решительнее при энергии и том количестве первоклассных сил, которые партия сейчас уделяет делу постановки учебы.

Но ленинизм далеко не исчерпывается одной книжной учебой. Мы не были бы ленинцами, если бы воображали, что ленинизм исчерпывается учебой. Действительный ленинизм мы должны завоевать даже в своей собственной партии, а, главное, надо завоевать его на тех простых вопросах борьбы и быта, о которых я вам говорил.

Теперь в большом ходу лозунг: „большевизация партии". Этот лозунг чрезвычайно важен для Запада, но мы приняли его и для нашей партии, и сказали: нам, самой большевистской партии в Интернационале, тоже еще нужно глубже большевизироваться, потому что есть целый ряд слоев партии, которые не могут еще быть настоящими большевиками, которые не имеют еще настоящей закалки.

К чему можно было бы свести большевизацию женского рабочего движения? Оно тоже нуждается в большевизации. Я уже сказал, что прежде всего она сводится к изучению Ленина, к изучению ленинизма, к учебе, к книжке, к такому изучению, которое потребует много и много времени. Наступит пора, когда каждая работница и каждый комсомолец будут знать основные сочинения Ленина, не в том смысле, что будут цитировать их на зубок,

а в том смысле, что проникнутся ими и будут знать их суть.

Одна сторона большевизации женского рабочего движения — не отстать в учебе. В школах, которые мы создаем, быть не последними и в вузах быть не последними, усилить процент работниц на учебе, потому что отсюда будет подниматься руководящий персонал партии и профсоюзов. Это — одна сторона.

Другая сторона действительной большевизации женского движения заключается в том, чтобы хозяйственные, культурно-просветительные, бытовые вопросы уметь ставить по-большевистски. Я говорил уже, что вопросы о столовых народного питания, об общественных прачечных и юридической помощи — эти вопросы являются кусочками действительно практического, прикладного ленинизма. Их надо уметь ставить по-большевистски, в них надо разбираться, надо уметь замешиваться в гущу массы. Большевик есть, прежде всего, массовик. Это надо всегда повторять. Большевик — не тот, кто замыкается в своей скорлупе. Нельзя сказать: пусть будет лишь сто человек большевиков, но зато 96 пробы. Нужна 96 проба, но нужны массы, нужны сотни тысяч, миллионы. Большевик — тот, кто из города может отправиться в деревню, когда деревня приобретает первенствующее значение. Попросту говоря, основа большевистского лозунга, „вечного“ лозунга: в массы! И еще раз в массы! В данном случае — в массы работниц и крестьянок!

«Комиссар в платочке» должен выступить и на хозяйственном фронте.

Мне кажется, мы не так далеки от задачи поголовной организации 500 тысяч работниц. Эту задачу нужно решительней закончить, но не для того, чтобы почить на лаврах, а чтобы эта основная, ле-

нинская женская гвардия, чтобы эта легкая женская кавалерия смогла припять участие в том основном бою, который предстоит на фронте хозяйственном, на фронте культуры и быта в деревне.

В годы гражданской войны мы говорили, что судьбу войны иногда решает „комиссар в платочке“, крестьянка, которая гнала дезертира из деревни, работница, которая помогала Красной армии во всех областях и умела с оружием в руках защищать Ленинград, умела в июльские дни быть лучшим агитатором за революцию, которая умела вооружать человека духовно и поставить его на службу рабочему классу. Теперь нужно разоружать и духовно и материально растущего кулака в деревне, нужно суметь решить исход борьбы на хозяйственном фронте, нужно завоевать поголовно рабочих в городе, надо двинуться в деревню.

Помогай на деле крестьянке!

Но не по-детски организовывать это движение в деревню: наберем, мол, сто агитаторов и пошлем. От такого нашествия в деревню толку будет мало. В деревне иногда в этих случаях говорят так: вот еще пять дармоедов из города пришло. Нужно знать все вопросы деревенской жизни, чтобы деревня видела, что от тебя идет помощь. Пора нам, большевикам-ленинцам, которые хотят итти в деревню, уметь говорить не только о программе III Интернационала, о Макдональде и т. д. Ленинизм заключается в том, чтобы мы могли разобраться, где ячмень и где пшеница, и чтобы работница-большевичка, идя к крестьянке, знала, что такое птицеводство. Нужно понимать, что ленинизм заключается сейчас и в том, чтобы знать все, чем интересуется деревня. Надо, чтобы большевики сумели заняться и такими „скучными“ и маленькими

вопросами, без которых в деревне нельзя обойтись. Нужно итти в деревню через ворота кооперации, через „птицеводство", через лечебные пункты, школу и т. д.

Я думаю, что наши работницы, которые умеют хорошо разбираться в вопросах мировой политики, потому что революция и горе научили, и при царе проходили „университеты", что они, раз придется, раз это нужно, проштудируют и „руководство по куроводству". Это нам теперь необходимо. По всему видно, что наши руководительницы женского движения начинают это понимать, и я думаю, что рядовые работницы также начнут все это понимать.

Разве здесь утопия, разве мы не могли бы через работницу помочь крестьянке, показать, что она, крестьянка, может при помощи работниц получить из города в рассрочку трактор? Какое впечатление такая помощь произвела бы на волость? В тысячу раз большее, чем сто плакатов. И надо, чтобы по этой своей линии крестьянка могла дойти до женской организации в городе и за поручительством, скажем, заводского комитета и женотдела получить трактор в рассрочку. Подарить мы не можем, а в рассрочку сделать мы могли бы. Я думаю, что мы это и будем делать.

Некоторые шефские организации заключают контракты с здравотделами. Одна из них ассигновала 8 тысяч, чтобы построить в Архангельской губ. врачебный пункт для борьбы с дурной болезнью, которая косит население, другая шлет средства на борьбу с малярией. Представьте себе, что работницы тоже двинули бы такую работу,—какое бы это имело гигантское значение? Гораздо большее, чем какие бы то ни было речи. Если бы сорганизоваться настолько, чтобы не только брошюрки распространять, а в мелочах начать помогать деревне сейчас, когда мы входим в такую большую хозяйственную полосу, когда подобная работа становится

более или менее достижимой и возможной,—было бы большое дело! Тогда и мужик поверил бы, что по этой линии можно чего-либо достигнуть.

Сущность нынешнего партийного спора—тоже в вопросе об отношении к крестьянству.

Мы должны сейчас в деревню итти не только как культуртрегеры, которые сами сыты культурой и несут ее и в деревню. Мы должны понять, что деревня теперь—основной фронт и для нашей промышленности и для всей нашей работы. Уже было достаточно раз‘яснено и в печати, что поднять крупную промышленность мы можем, только опираясь на деревню.

Наши внутрипартийные споры на девять десятых сводятся к этому. Очень мало наивных людей в партии, которые поверят, что партия с такой страстностью спорит только из-за того, что было 7—8 лет назад или 15 лет назад и т. д. Спорят так бурно, потому что в действительности речь идет не о прошлогоднем снеге, не о том, что было 8 лет назад, а о том, куда теперь итти. Если было сомнение в этом отношении, то, мне кажется, после выступления тов. Преображенского и ответа ему тов. Бухарина оно отпадает.

Разумеется, мы, партия рабочего класса, знаем, что крупная промышленность — наш фундамент, что без этого мы не построим социализма; всякий знает, что здесь основная база, и для крупной промышленности нужно отдать все, что только можно. Нужно прибавить: отдать все, что можно, без срыва союза рабочих и крестьян. И без того этот союз у нас не всегда и не везде идеальный. А кто рассуждает о крестьянине, как о „деревенщине“, кто думает, что пролетарии должны подымать промышленность, забывая о деревне, тот совершает величайшую ошибку против большевизма.

Основной наш лозунг — **поднятие металла.** Этот лозунг красноречиво защищался на XIII партийном с'езде. Необходимо поднять металл — основу нашей промышленности. Но мы должны вспомнить, что вырабатывала наша металлургия раньше? Пушки, военные снаряжения; она работала на стратегические железные дороги, на войну. А теперь? Как можем мы поднять свой металл? Можем ли продолжать работать пушки, строить стратегические железные дороги? Ясно, что мы должны поднять металл как-то иначе, мы должны поднять его на основе внутреннего крестьянского рынка, давая крестьянину сельскохозяйственные орудия, все то, что необходимо для деревни. Только таким образом мы должны перестроить основу тяжелой промышленности — металл.

На приведенном примере особенно ясно, какая тесная связь существует между крестьянским рынком и крупной промышленностью. Как авангард рабочего класса, мы знаем, что основа всех основ есть тяжелая промышленность, крупная промышленность, но вместе с тем мы знаем, — и в этом заключается основа ленинизма, — что мы диктатуру пролетариата существляем в крестьянской стране. В этом гвоздь нынешнего положения. Величие Ильича заключается в том, что он облек в плоть и кровь диктатуру пролетариата в крестьянской стране, чтобы перебросить ее и на международную арену. Если бы мы действовали на Марсе, очень может быть, что по-иному мы мыслили бы и осуществление диктатуры пролетариата. Статья тов. Преображенского, возможно, для марсиан вполне подходяща. Очень может быть, что там, на Марсе, происходит теперь тоже страстная дискуссия и голосование дает результаты обратные, чем у нас. Может быть, там троцкизм и на месте. Но у нас, в крестьянской стране, где родился и жил Ленин и утверждается ленинизм, где три революции прошли

под руководством Ленина,—у нас такая точка зрения неприемлема, она непоправимо губительна. Мы знаем наверняка, что, если мы в этот момент станем смотреть на крестьянство, как на „колонию“, то мы несомненно погубим революцию, рабочий класс потеряет власть.

Товарищи, я снова напоминаю вам: в деревне, в связи с ростом ее сознания, происходят процессы, о которых я уже вам говорил в общих чертах и о которых вы сами отлично знаете. И если наша партия, вместо того, чтобы учитывать линию развития в деревне, будет действовать наоборот, то расстояние между рабочими и крестьянами будет расти вдвое быстрее, расстояние будет увеличиваться так же быстро, как между двумя локомотивами, идущими в разные стороны. Была бы совершена чудовищная ошибка, которая с быстротой привела бы к политическому краху. Вот почему партия спорит с такой страстностью.

И, конечно, от заветов Ленина мы тут не отступим. И, конечно, связь рабочих и крестьян мы закрепим во что бы то ни стало. И, конечно, при правильной линии тут нет ничего неразрешимого. И, конечно, победа нам обеспечена.

Нашу партию с ленинского пути не собьют.

Итак, товарищи, перед нами открывается новая полоса революции. Она открылась с 1922 года, а мы ее разглядели совсем отчетливо в 1923 году. Мы вошли в полосу, когда во многом решает деревня—как раз в хозяйственных вопросах. Партия повернулась лицом к деревне. Всякому, кто хочет ее повернуть назад, кто „наскакивает“ на партию, приходится дать решительный отпор. Когда на нас эффектно наскакивают и думают, что могут быстро подмять под себя старую ленинскую гвардию, мы

говорим: чем эффектнее наскочишь, тем эффектнее отскочишь. (Бурные аплодисменты).

Мы думаем, что наша партия не зря училась у Ленина. Наша партия — рабочая партия, она поставила себе целью не только повторить опыт Парижской Коммуны, т.-е. восстать и героически погибнуть, она хочет победить в крестьянской стране, хочет работать и хочет помочь рабочим других стран побеждать.

Об одной ошибке Розы Люксембург.

Ошибки возможны. Вот маленький пример. Покойная Роза Люксембург (кто не знает ее, как выдающуюся личность?) не была большевичкой в строгом смысле слова. Она работала в немецкой партии и долго находилась под влиянием социал-демократии. В 1918 году, сидя в тюрьме, в Германии, она написала книжку, в которой считала главной ошибкой тов. Ленина и его единомышленников нашу политику в крестьянском вопросе. Когда она вышла на волю, она поняла свою ошибку и не стала печатать своей книги. В 1922 году ее бывший единомышленник Леви, который предал Коминтерн, вытащил эту книгу и напечатал. Тогда мы и увидели, что она одно время ошибалась.

Вы видите, что даже Роза Люксембург могла ошибаться в этом вопросе. А в своей последней статье, которая была ее лебединой песнью, описывая гибель январского восстания в Германии в 1919 году, Роза Люксембург об'ясняла это поражение тем, что революция не уделила должного внимания солдату, т.-е. крестьянину, запустила эту сторону, не сумела завоевать той части крестьянства, которая должна быть привлечена на сторону рабочего класса. Поступок Леви был потому бесчестен, что, зная о статье 1919 года, он печатал ошибочное произведение 1918 года, которое сама Роза Люксем-

бург не хотела печатать. Для международного рабочего движения здесь поучительный пример.

Возьмите пример польской компартии. Кризис польской партии—в том, что она должна теперь вернуться на 20 лет назад, к тому, что̀ Ленин говорил в 1903 году. Всякий, кто знает обстоятельства дела, видит, что это так. Они сами признают, что ошиблись в крестьянском вопросе и в национальном вопросе, который наполовину тоже является крестьянским. Поэтому Пилсудскому и К° удалось повести крестьян за собой. Теперь, в 1924 г., польским коммунистам приходится возвращаться к тому, что̀ тов. Ленин в споре отстаивал еще в 1903 году. Надо же нам учиться на ошибке таких великих борцов, как Роза Люксембург.

Отношение крестьян к рабочим после победы.

В одном из своих самых замечательных произведений тов. Ленин говорит, что крестьянин в массе своей пойдет за рабочим классом и партией нашей, особенно после победы пролетарской революции. Так и есть. Он за нами пошел в октябре. Тогда во всем мире был один лозунг: „долой войну“, а у нас было два лозунга: „долой войну“ и „давай землю“. И только из сочетания этих двух лозунгов родилась победа. В других странах этого не было — и победы не было. Ленин был прав, когда говорил, что крестьяне густыми массами пойдут за рабочей партией после победы пролетарской революции.

Задачи наших работниц в мировой революции.

Я хотел бы еще остановиться на вопросе о ваших интернациональных задачах. Если авангард работниц не впустую говорит о заветах Ленина, он должен понимать, что перед русскими работницами

стоит еще одна задача, чрезвычайно обширная. От кого женщины Востока должны ждать поддержки? Кто другой, как не наш женский авангард, поможет женщине Востока? Какая же возможна мировая революция, если женщины Востока в громадном количестве, исчисляющемся сотнями миллионов, останутся без помощи? Тут помочь нужно не словами, а делом.

Это относится к коммунистическому движению женщин вообще. Оно обстоит еще плохо. У нас КИМ в значительной степени обогнал движение молодежи II Интернационала. Относительно КИМ можно сказать, что это — передовой отряд рабочей молодежи, и, если несколько лет его движение будет развиваться таким же темпом,—это значит, что все молодое поколение, выросшее после войны, будет за нас. Относительно работниц — нельзя похвастать. Этого еще нет. И я думаю, что об‘ясняется такое положение тем, что русские работницы уделяют этому вопросу недостаточно внимания. Не секрет, что во всех областях международного движения руководящей силой являются русские рабочие, потому что им выпало на долю счастье первыми победить буржуазию. Нужно серьезно помочь организации женского пролетариата во всем мире, влиять на нее. Не нужно смотреть на такое дело, как на предмет роскоши, как на второстепенную работу. Пред нами—одно из важнейших дел. Я думаю, что вы должны будете уделять ему большее внимание, чем раньше.

Партия не зря училась у Ленина!

Мы живем в годы после победы пролетарской революции, когда гражданская война закончена, международное положение упрочено, когда на хозяйственном фронте мы даем бой новой буржуазии. Мы должны теперь так работать, чтобы партия после

совершившейся победы пролетарской революции вела за собой все более и более густые массы крестьянства. Или мы ослепнем настолько, что будем говорить: крестьянство — это колония, и будем сами губить диктатуру пролетариата? Я думаю, что наша партия не зря училась у тов. Ленина.

Рабочие и работницы понимают отлично суть ленинизма. Может быть, они не все книжки прочли, но классовая „ноздря" у них есть. Они чувствуют, что, если ты большевик, ты не можешь отворачиваться от крестьянского вопроса и говорить, что нам нужно быть подальше от него и что крестьянство для нас—„колония". Если есть у них верное классовое чутье, если они подлинные ученики Ленина, то они понимают, что наступила пора, когда мы должны реализовать влияние победившей революции над крестьянством, чтобы густыми колоннами повести их за собой. Какой бы вопрос советского быта вы ни взяли, основа есть деревня, которую надо вести за собой. И не потому, что мы решили поговорить о деревне, а потому, что революция подошла целиком к этой задаче. Поэтому и приходится преодолевать некоторое сопротивление в своей партии людей, которые не понимали и не понимают роли крестьянства. Это не какое-либо „искусство для искусства", не дискуссия для дискуссии. Это — преодоление опасных препятствий.

Мы преодолеем все препятствия для того, чтобы партия, как один человек, могла выйти на историческую арену, для того, чтобы партия могла вести ту работу, которую завещал нам Владимир Ильич. (Бурные аплодисменты).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

50к

Цена 10 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки“. Телеф. 5-45-77

Москва: Московское отд. изд-ва „ПРИБОЙ“ Лубянский пассаж, №№ 47, 48, 49. Тел. 2-24-09

